

Вскоре стало известно еще об одной победе: под Керчью наши высадили большой десант, захватили плацдарм.

В лесной типографии было отпечатано обращение к мирному населению Крыма:

«Дорогие товарищи!

Давно прошли те дни, когда гитлеровская армия быстро продвигалась вперед по советской земле. Фрицы набивали брюхо нашим салом, глумились над женщинами, давили детей танками, крали из музеев картины, жгли города и села.

Теперь наступает час расплаты! Могучие стальные полки Красной Армии безостановочно гонят врага обратно, на запад. Грозной лавиной нависли советские воины над Крымом. Немцы в панике. Дрожат от страха фашистские заправилы. На их руках кровь замученных женщин и детей. Их карманы полны награбленным добром. Спешат спасти шкуру от гнева народного эти «фоны», спешат подальше унести ноги от наступающей Красной Армии.

Но не уйти немецким палачам от справедливого и сурового возмездия! Мы их найдем на краю света! Мы припомним фашистам и их прихлебателям руины Севастополя, отравленных детей Феодосии, расстрелянных жителей поселка Чаны, Багеровский ров в Керчи.

Жители Крыма!

Скоро Красная Армия вызволит вас из фашистской неволи. Поднимайтесь все на борьбу с врагом! Убивайте немцев всюду и везде! Укрывайте советских людей от угона в рабство, от истребления. Уходите в горы к партизанам! Смерть немецким захватчикам!

Откликаясь на этот призыв и спасаясь от фашистской каторги, люди уходили в лес целыми семьями, поселками, деревнями. Женщины, старики, дети угощали скот, несли на себе скучный домашний скарб — жалкие крохи, оставшиеся после двухлетнего хозяйничанья оккупантов. Мужчины брали в руки оружие, чтобы мстить врагу за несчастья, которые он принес на нашу землю. Партизанская война в тылу врага стала действительно всенародной.

Мы в это время находились в районе горы Сараман. Здесь узнали, что в деревне Курцы (Украинка) Симферопольского района гитлеровцы арестовали всю молодежь и готовятся насильно отправить ее на работы

в Германию. Для охраны выделили роту солдат, уже прибывшую на место. Отправка ожидалась со дня на день.

Перед боевой группой Ивана Крапивного штаб поставил задачу ворваться в деревню, перебить охрану, дать возможность населению уйти в лес.

В ночь на 7 ноября четырнадцать смельчаков незаметно подкрались к кошарам, где находились узники. Бесшумно сняли часовых, взломали замки. Юноши и девушки, напуганные неожиданным появлением незнакомых вооруженных людей, забились по углам. Но когда они узнали, что их освобождают партизаны, то немедленно высыпали на улицу.

— А теперь слушайте! — сказал Крапивный. — Оставаться здесь вам нельзя, немцы поймают и все равно угонят в неволю. Одним уходить тоже не годится: родителям придется головой отвечать. Поэтому командование отряда предлагает всему населению немедленно эвакуироваться в лес. Срок — пятнадцать минут. Сбор на восточной окраине села. Все делайте осторожно и бесшумно. Огня в хатах не зажигать! Действуйте!

Об исчезновении арестованных и населения немцы узнали спустя час, когда проходила очередная смена караула. Население в это время уже уходило в глубь леса.

На следующий день группу Крапивного с таким же заданием направили в деревню Бодрак (Скалистое). Зная о вчерашнем налете, фашисты оказали сильное сопротивление. Однако большинству жителей удалось благополучно уйти. Тогда фашисты сожгли почти всю деревню. В огне погибли двенадцать человек, не успевших вовремя эвакуироваться. Среди них были безногий инвалид Федор Христофорович Томенко и его жена, активно помогавшие партизанам.

Через несколько дней мы выбили гитлеровцев из Бодрака и прочно там закрепились. В этих боях особенно отличились Жора Грузинов и Сергей Половчена.

Еще в 1942 году, находясь в госпитале для военно-пленных, Половчена через подпольную патриотическую группу связался с партизанами. Подпольщики ему изготоили фальшивый паспорт и направили «работать» на аэродром вблизи Сарабуза, где базировались вражеские бомбардировщики. Войдя в доверие к немцам, Сергей получил возможность хорошо изучить расположение ангаров и служебных помещений. Все эти сведения он пе-

редавал в лес, а оттуда они шли на Большую землю. После того как созданная Сергеем диверсионная группа подорвала автомашину и бензовоз с горючим, оставаться на аэродроме ему было небезопасно. Половчена ушел в лес и стал бойцом группы Крапивного.

Из мужчин деревни Бодрак мы сформировали самостоятельный отряд. Бойцы отряда попросили назначить к ним командиром Жору Грузинова. О его смелости бодракцы узнали еще во время боев за село. Лучшей кандидатуры мы не могли желать. Так Грузинов стал командиром отряда.

В ноябре всей деревней, от мала до велика, пришли к нам жители Бия-Салы. Из этого пополнения был организован еще один отряд — пятый по счету. Командиром его утвердили Николая Гордиенко, комиссаром Ивана Купреева.

Жители деревни Тавель (Краснолесье) перебили солдат местного гарнизона и вместе с населением соседней деревни Поляры тоже прибыли к нам. Пришлось создавать новый — шестой отряд. Командиром его был назначен отважный партизан Николай Дементьев, комиссаром — Андрей Сермуль.

Из жителей деревни Саблы был создан седьмой отряд. Его возглавил Матвей Гвоздев. Это был чрезвычайно смелый и решительный партизан, только не в меру горячий, вспыльчивый. Чтобы Матвей «не зарывался», мы назначили комиссаром отряда Алешу Палажченко — хладнокровного, дисциплинированного человека. Командир и комиссар очень хорошо дополняли друг друга. Отряд провел много замечательных операций, а в бешуйском бою, о котором я расскажу особо, 7-й отряд сыграл решающую роль.

Здесь я упомянул только о том пополнении нашей боевой семьи, которое пришло к нам организованно, целями селениями. А сколько людей появилось поодиночке и маленькими группами! Разные бывали встречи. Об одной из них расскажу подробнее.

...Этого вихрастого паренька в мою землянку привел Андрей Сермуль. На вид ему было лет четырнадцать или пятнадцать. Изодранная в клочья одежда, лицо и руки, покрытые царапинами и ссадинами, усталые глаза — все свидетельствовало о том, что подростку пришлось немало поплутать в лесу.

— Вот, Михаил Андреевич, задержал подозритель-

ую личность, — пряча улыбку, доложил Сермуль. — Чуть не вступил в бой с нашими разведчиками.

— Они первые напали на меня, — сверкнув глазами, поправил партизана подросток. — Я думал — полицаи и скомандовал им, чтоб бросали оружие.

— Ну, а они?

— Они-то ничего, а вот этот выскочил откуда-то сзади и отобрал пистолет...

— А как же иначе? У нас такой закон: видишь своих в опасности — иди на выручку, — снова вступил в разговор Андрей Сермуль. — Я за тобой минут десять наблюдал. Откуда, думаю, такой орел в нашем лесу. Только не знал, что у тебя пистолет наготове. — Обращаясь уже ко мне, Сермуль все в том же шутливом тоне сообщил: — Парень-то оказался вооруженным до зубов: видите, какую отметину мне оставил — чуть всю руку не отхватил. А уж откуда у него немецкий «Вальтер» — ума не приложу.

— Откуда оружие и по какому делу оказался в лесу? — уже более строго спросил я.

— Пистолет взял у гестаповца. Он пришел за мной, чтобы отвести на допрос, а у меня заранее был приготовлен топор. Фашист как вошел в комнату, так тут же и рухнул...

— Когда это было? — спросил Сермуль.

— На прошлой неделе, в среду.

— А где ты прятался после этого?

— Вот уже шестой день ищу партизан.

Шесть дней в лесу... Один, без пищи, без умения ориентироваться. Паренек, видимо, вспомнил все мытарства, которые выпали на его долю, и глаза его наполнились слезами.

— Товарищ командир, — обратился он ко мне, подавив волнение, — оставьте меня в отряде. Не смотрите, что я ростом не вышел: в разведку ходить или по фашистам стрелять большого роста не нужно.

— Хорошо, об этом поговорим завтра, а сейчас расскажи о себе все, без утайки, — предложил я. — Как тебя звать-то?

— Мне таить нечего, — обиделся парнишка. — Зовут меня Сергеем, фамилия Ассельберг. В Ялту приехал из Керчи, когда отец на фронт ушел. Друзья отца устроили меня на электростанцию, там я работал, пока не случилась авария...

Николай Гордиенко.

Иван Купреев.

— А при чем тут ты?

— Так это же я опилки железные подсыпал в подшипники динамомашины. С тех пор и меня, и других рабочих гестаповцы стали чуть не каждый день вызывать на допросы.

Через несколько дней прибывшие из Ялты подпольщики подтвердили рассказ Сергея. Весть об убийстве гестаповца облетела весь город, и имя юного героя, совершившего этот акт мести, стало для ялтинцев символом мужества и бесстрашения.

От рабочих электростанции стали известны и подробности первого допроса Сергея в гестаповских застенках.

— Кто твой отец, — спросил его следователь, — чем он занимается и состоит ли в партии?

— Мой отец — советский человек, — гордо ответил Сергей. — Чем он занимается сейчас — не знаю, но вы ведь и сами можете догадаться, чем занимаются на фронте.

— О, у русский мальчик ошень много юмор, но мало смелость, — обходясь без помощи переводчика, отметил следователь. — Ти не говориль, состоит ли твой фатер коммунистический партия. Как это гофорят по-русска: трусишь?

Сергей Ассельберг.

патриот.— Генератор сам

— Не трушу, а горжусь, что мой отец коммунист с 1917 года, — высоко подняв голову, ответил Сергей.

— Смелый, очень храбрый мальчик, — стараясь говорить спокойно, произнес следователь, но ему, как видно, ненадолго хватило выдержки. Он длинно и скверно выругался, а затем снова стал задавать вопросы через переводчика: — Как сын коммуниста, ты первый попадешь на виселицу, если не назовешь, кто организовал аварию на электростанции.

— Никакой аварии никто не организовывал, — твердо стоял на своем юный

вышел из строя, потому что

старый.

Гестаповцу так и не удалось выведать у Сергея нужные сведения. Даже под угрозой пыток и казни подросток не выдал, что знает о существовании подпольной патриотической группы на электростанции.

Четыре недели провел он на этот раз в застенках гестапо, а через неделю снова на несколько дней оказался в тюремной камере. Третьего ареста Сергей решил не ждать...

У нас не было другого выхода, и мы зачислили Сергея Ассельberга в свою партизанскую семью. Шефство над ним взял Андрей Сермуль. Он не ошибся в юноше — из него вышел отличный разведчик, смелый и инициативный боец. Сергей участвовал во многих операциях «рельсовой войны», в дерзких налетах на вражеские гарнизоны, несколько раз ходил на разведку в Ялту и Алушту, стойко переносил все тяготы и лишения партизанской жизни.

В ноябре 1943 года приказом Крымского штаба партизанского движения на базе наших отрядов была создана четвертая бригада. Командиром бригады назначили меня, начальником штаба — Чусси, комиссаром — Селимова.

Примерно в ту пору наши разведчики стали доносить о появлении в лесу какого-то отряда, неизвестного нам. В районе Мекензиевых гор он обстрелял вражеский воинский эшелон, шедший из Севастополя. От мирных жителей мы узнали, что в отряде около ста человек, что одеты они в немецкую форму и говорят на русском языке. «Кто они? — думали мы. — Какие цели у отряда? Не ударит ли он нам в спину, когда мы вступим в бой? Если это словаки, то как они попали в район Мекензиевых гор? Если румыны, то почему одеты в немецкую форму?»

Новое сообщение: неизвестные напали на крупный немецкий обоз, убили 10 гитлеровцев, захватили оружие, имущество, продукты и скрылись.

Тогда мы обратились к деду Андрею.

Андрей Бирюков партизанил в этих местах еще в годы гражданской войны. С первых же дней коллективизации он вступил в колхоз, позднее стал его председателем, а когда состарился — попросился на рядовую работу. Но по-прежнему дед Андрей оставался самым уважаемым человеком на селе.

Хата Бирюкова была нашей явочной квартирой, а сам хозяин вел очень полезную для партизан деятельность. К нему частенько наведывался наш разведчик Геннадий Тайшин и всегда получал подробные данные о том, что творится в округе.

По нашему заданию дед Андрей, взяв топорик, отправился в лес вроде бы за дровами. Он долго ходил по склонам лесистых гор, нашел места стоянок неизвестного отряда, потухшие костры, но людей не встречал.

Вдруг на одной из полян Бирюков увидел высокого смуглого человека в немецком мундире. Заметив деда, тот щелкнул затвором карабина, но сразу же опустил оружие и крикнул:

— Эй, кацо, или сюда! Не бойся — я не немец!

Бирюков вышел из-за деревьев на край поляны.

Человек в мундире горячо заговорил:

— Будь другом — пойдем к нашему командиру. Не бойся, мы советские люди, грузины, бежали из плена.

— А к чему лягушиную шкуру надел? — дед кивнул на немецкий мундир.

— Без штанов холодно, а других нету! — весело ответил грузин.

Через несколько минут Андрей Бирюков был в отряде. К нему подошел командир — приземистый, широкопле-

чий крепыш с черными глазами, тонким, слегка изогнутым носом и окладистой черной бородой. Он был немногословен:

— Нам нужно связаться с партизанами. Скажи, дед, записку передать можешь?

— Не обещаю, сынок,—ответил Бирюков,—потому, где они, партизаны, не знаю...

Командир понял осторожного старика и сказал:

— Записка не тяжесть. Если в вашей деревне партизаны появятся — отдашь. А нет — изорвешь.

— Придется подчиниться, — согласился дед. — Вас много, все с ружьями. Пиши записку, возьму.

Хитрый был старый Бирюков!

В тот же день записка оказалась у нас. Она у меня не сохранилась, но содержание ее я помню. Петр Гвалия — командир грузинского батальона — писал, что они давно ищут партизан, чтобы сообща бить фашистов. Свой счет мести они уже начали. Хотят с нами встретиться и тогда расскажут о себе подробнее. Они не предатели, а военнопленные, захваченные в бою под Севастополем. Испытав на себе все ужасы фашистского концлагеря, воины-грузины не уронили достоинства советского человека. Когда под угрозой расстрела из них сформировали подразделение, они решили при первой возможности уйти в лес. И ушли. Но леса незнакомые, без партизан им долго не продержаться.

...Пятьнадцать автоматчиков, я, Чусси и Витенко пошли встречать батальон. Оказалось, что в «батальоне» всего 60 человек. Мы ожидали больше, но все равно встреча была радостной. Увидев партизан, грузинские товарищи растрогались, на глазах у многих появились слезы.

— Два года советских людей видели только в лагерных бараках, — взволнованно говорил Гвалия, майор Советской Армии, в прошлом преподаватель одного из институтов Тбилиси. — Не верится, что снова среди своих...

Нас окружили бывшие военнопленные, переодетые в немецкую форму, но без погон и эмблем. Они расспрашивали о положении на фронтах, о жизни партизан, о том, нет ли среди нас земляков из Грузии.

Гвалия рассказал об обстановке в оккупированном Севастополе, о борьбе за колючей проволокой, которую не прекращали ни на день узники концентрационного лагеря. Он передал нам несколько экземпляров подполь-

ной газеты «За Родину». Просьба грузинских товарищей была удовлетворена: батальон преобразовался в отдельный партизанский отряд.

Позднее к нам пришли 16 кубанских казаков, тоже военнопленных, насильно зачисленных в одну из частей «русской освободительной армии» предателя Власова. Командиром еще одного боевого отряда мы назначили бывшего партизана Ивана Урсоля. Вскоре в отряд Урсоля вместе со всей деревней прибыл Андрей Бирюков.

Когда немцы объявили о подготовке к эвакуации, люди повалили к деду Андрею за советом.

— В лес надо уходить, к партизанам, — сказал Бирюков, — иначе или каторга, или концлагерь, а то и смерть... Собирайтесь...

Люди, наскоро собрав узлы, двинулись за Бирюковым. А он, ведя за собой деревню, снова чувствовал себя колхозным вожаком. Непокрытая голова, вылиньявшая гимнастерка, пролежавшая на дне комода «на всякий случай» более четверти века, георгиевские кресты, значок «Ворошиловский стрелок», берданка за спиной — таким мы увидели деда Андрея. Сознание, что он нужен людям, нужен Родине, делало этого старого человека молодым и поистине счастливым.

Люди разных национальностей, разных профессий и возрастов сливались в единую силу, для того чтобы освободить свою землю от захватчиков и воздать врагу сполна за муки и страдания народа, за смерть своих товарищ и родных.

Оккупанты и предатели тоже понимали, что Крым скоро будет освобожден. Несколько раньше описываемых событий на нашу сторону перешел гарнизон Коуша. Солдаты перебили офицеров и в полном составе, с оружием и снаряжением явились к нам. Раньше таких фактов массовой сдачи не было. Значит, дела гитлеровцев совсем плохи, решили мы. Так оно и было.

Но одна из основных заповедей партизан, как, впрочем, и бойцов регулярных войск, — никогда не недооценивать сил противника. Даже умирающий враг опасен. И мы чувствовали это повседневно.

Помнится происшествие в третьем Симферопольском отряде. Он тогда располагался на Суатской туристской базе. Гитлеровцы напали на партизан перед рассветом, надеясь в стремительном броске завладеть лагерем. Но, всегда готовые к встрече с врагом, народные мстители не

были застигнуты врасплох. Бой длился с рассвета до темна. Умело используя особенности местности, партизаны выбирали наиболее удобные позиции и стреляли наверняка. Когда каратели откатились назад, выяснилось, что погибло двое бойцов третьего Симферопольского отряда.

Петр Миньков храбро сражался до последней минуты своей жизни. Он так и погиб с винтовкой в руках, сделав последний выстрел в подкрадывавшегося из-за кустарника карателя.

На могиле погибших товарищей партизаны поклялись бить врага до последнего вздоха, пока руки могут держать оружие.

После этого боя командование решило перенести лагерь в глубь леса, оставив для охраны подступов группу в сорок человек во главе с младшим лейтенантом пограничных войск Михаилом Парамоновым. Группа расположилась в домике лесника, сделав заслон между турбазой и тропою на Чатыр-Даг. Здесь же на плато была выставлена застава, при которой находился постоянный связной. Дозорные заставы постоянно контролировали все подходы к лагерю.

Однажды ранним утром связной Глущенко сообщил, что на плато Чатыр-Дага со стороны Биюк-Янкоя (Мраморное) движутся каратели.

Парамонов тотчас доложил об этом по телефону командиру партизанского района Северскому. Командир приказал задержать противника на подступах к лесу.

Группа Парамонова навязала карателям бой прямо у домика лесника. Больше двух часов горстка смельчаков вела неравное сражение с гитлеровцами. Подходили к концу боеприпасы. Враги все туже и туже стягивали кольцо окружения. Не блокированным оставался лишь крутой скат горы.

— Всем спускаться вниз! — приказал Парамонов.

Партизаны один за другим ринулись с крутизны.

В это время у подножия горного склона проходили новые отряды карателей, которые, видимо, должны были замкнуть кольцо окружения. Появление партизан, буквально свалившихся сверху, ошеломило немцев. Они даже не сумели оказать организованного сопротивления.

А у партизан-то и патронов не было. Решительно действуя штыком и прикладом, народные мстители рассеяли ряды карателей и по их трупам вырвались из окружения.

В этом бою группа Парамонова, несмотря на всю сло-

жность ситуации, потерю не имела. Гитлеровцы же остались на месте боя пятьдесят человек. С тех пор партизаны окрестили домик лесника по-новому. Он стал называться «Парамоновским домиком».

Решительные действия группы Парамонова позволили основным силам народных мстителей выиграть время для сосредоточения огневых средств на пути врага. Когда каратели сунулись к лесу, их встретил мощный удар усиленного заслона.

- Замыслы немецкого командования не увенчались успехом.

У НАС ПОЯВИЛСЯ ТЫЛ

Четвертая бригада, которой я командовал, увеличивалась день ото дня. Каждые сутки в нашу боевую партизанскую семью влибались новые и новые люди. Количество отрядов выросло. То же самое происходило и в других бригадах.

Крымский штаб партизанского движения решил создать три соединения — Южное, Северное и Восточное. Пришел приказ о моем назначении командиром Южного соединения. Оно было разделено на три бригады: в четвертую вошли второй, шестой, седьмой и одиннадцатый отряды, в шестую — третий, четвертый и пятый, в седьмую — первый, восьмой, девятый, десятый и двенадцатый. Командиром четвертой бригады стал Христофор Чусси, шестую возглавил Михаил Самойленко, командование над седьмой бригадой принял Леонид Вихман. Каждая бригада состояла из 900—1000 партизан.

Теперь партизаны были уже не те, что раньше. Мы стали сами искать встреч с врагом, так как чувствовали свою силу. Второй период партизанской борьбы в Крыму отличен от первого и тем, что мы стали в изобилии получать с Большой земли оружие, боеприпасы. Нас широко поддерживало все местное население. На борьбу против фашистских захватчиков поднялся весь народ. Мы уверенно били врага и чувствовали себя на своей земле полновластными хозяевами.

Во второй период нашей борьбы, примерно с сентября 1943 года, у нас появилось большое тыловое хозяйство. Мы занимали обычно опушки лесов, не пуская карателей вглубь, где располагались лагеря гражданского населения, наши склады, госпиталь и т. д.